

Альберто Васкес-Фигероа

Слезы Африки

Альберто Васкес-Фигероа

Слезы Африки

«Издательство «Перо»

1994

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

Васкес-Фигероа А.

Слезы Африки / А. Васкес-Фигероа — «Издательство «Перо»,
1994

ISBN 978-5-00171-916-8

В небольшой деревне, затерянной в самом сердце эфиопского горного массива, солдаты убивают все взрослое население, в живых остаются лишь две учительницы и дюжина ребят, случайно. Через эфиопское нагорье, через южные засушливые районы Судана, мимо лагерей беженцев, к верховьям Белого Нила и через загадочный, смертельно опасный Судд, а далее в компании браконьеров через центральную Африку к границам Чада – таков маршрут, по которому прошли дети и их учительница. Невероятные приключения, и описание того, что ни одному туристу никогда не покажут, и не всякий путешественник, прошедший по этим местам, сможет рассказать об увиденном, потому что не каждому посчастливится вернуться.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

ISBN 978-5-00171-916-8

© Васкес-Фигероа А., 1994
© «Издательство «Перо», 1994

Альберто Васкес-Фигероа

Слезы Африки

Alberto Vázquez-Figueroa
África llora

Copyright © Vázquez-Figueroa
© Альберто Васкес-Фигероа, 2021

* * *

Несмотря на то что основой для написания повести послужили реальные события, все действующие лица, а также местоположение этого повествования – вымышленные.

Никто никогда так и не смог понять причин той войны.

Как и большинство войн, она была лишена всякого смысла. Может быть, даже самая бессмысленная из всех.

Вот уже в течение многих месяцев подряд, изо дня в день, жители деревни только и делали, что обсуждали как война подходила к ним все ближе и ближе, но никто из них до конца не понимал и не представлял размера грозящей опасности, пока одним спокойным утром Ахим Биклия, чья парта стояла ближе всех к окну, не вскочил на ноги и не воскликнул, показывая рукой наружу:

– Мертвец! Там Мертвец!

Сеньорита Маргарет уже готова была в ярости выгнать его из класса, опасаясь, что это еще одна из множества дурацких шуток, но он упрямо продолжал показывать в окно и она, проследив взглядом, чуть сама не рухнула на пол, но устояла на ногах, ухватившись за школьную доску, когда воочию увидела как по реке, по самой ее середине, медленно плыл труп человека.

Ребятня сразу же выбежала из класса, и почти немедленно к ним присоединилась детвора поменьше из предыдущего класса, и таким вот образом почти тридцать детей вместе с их учителями собрались на берегу спокойной речушки, чтобы в глубоком молчании наблюдать, как вода увлекает за собой какую-то темную массу, что плыла лицом вниз, словно бы высматривала в донном иле хотя бы искорку той жизни, которая покинула ее где-то выше по течению.

То был, судя по всему, первый труп, какой большинство из детей видели в своей жизни, но времени, чтобы обдумать это происшествие, у них не осталось, потому что почти сразу же появилось второе тело, а затем и третье, и четвертое, итого шесть солдат в разорванной форме оливкового цвета, и вся процессия, почти торжественно, проплыла мимо простенькой сельской церкви, чтобы проследовать за тем, кто при жизни был их командиром и кто теперь словно бы указывал им направление, как и тогда, когда был еще жив.

То был на самом деле зловещий парад, но безо всякого сомнения самое впечатляющее во всем этом представлении было тревожное молчание, повисшее над собравшимися, кто неожиданно для них самих получил самое очевидное подтверждение, что вокруг бушует жестокая и бессмысленная гражданская война, о которой столько до этого слышали, и которая незаметно прокралась и в их жизни.

За исключением двух учителей, большинству собравшихся не исполнилось еще и шестнадцати лет, тогда как самые маленькие ростом не превышали метра, но все они, без исключения, запомнят то утро в начале лета, как точную дату, когда их детство закончилось, и начался процесс ускоренного перехода в ужасную и незаслуженную пору зрелости.

А когда последний из трупов исчез за деревьями, и река вернулась к своему привычному прозрачному и радостному состоянию, где все они любили купаться по завершении уроков, сеньорита Маргарет благоразумно решила, что при подобном всеобщем настроении возвращаться в классы не имеет смысла, а потому разрешила перепуганной ребятне бежать через небольшой лес, напрямую, к своим домам.

Маленькая деревня напоминала собой взбудораженный улей, в который каждый из тех ребятшек швырнул камень.

Мужчины принялись вытаскивать из воды трупы, и положили их там же на грязном берегу, перевернув лицом вверх, и не осталось ни одной живой души, кто бы не пришел посмотреть на них, потому что, как на это не гляди, но то было самое драматичное происшествие в этих местах, после трагичного землетрясения, случившегося в начале века.

Сам старейшина Ши Мансур присел на гладкий камень и, сжав изо всех сил свой посох с наконечником из слоновьей кости, что символизировал неоспоримый авторитет, смотрел на тела бесстрастными глазами; но те, кто хорошо знали его, могли угадать по легкому дрожанию нижней губы, что под внешней невозмутимостью, которая была не более чем маска, он старался скрыть охватившее его душу истинное чувство тревоги.

Ши Мансур предчувствовал, что если река принесла с собой мертвых солдат, то рано или поздно она же принесет и живых, и что те, уже живые солдаты, кто бы они не были и какую бы веру и идеологию не исповедовал, принесут с собой лишь несчастья и разрушения, поскольку повидавший на своем веку вождь прекрасно знал, что никакая война, как бы справедливы не были ее начальные мотивы, никогда не остается таковой по мере того, как расплзается все шире и шире.

Среди немногим менее полутысячи мирных «подданных» сгорбленного Ши Мансура, чьи хижины раскинулись по всей плодородной долине, как по правому, так и по левому берегу протекавшей там спокойной речушки, третья часть состояла из коптов-христиан, процентов десять можно было рассматривать как истинных мусульман, тогда как оставшееся большинство никогда не проявляло ни малейшего интереса в отношении вопросов, связанных с религией, поскольку ежедневные усилия, какие с избыточным прилежанием направлялись на поддержание бранных тел, не оставляли ни времени, ни желания заниматься чем-нибудь еще.

И среди той полутысячи крестьян, большая часть которых была совершенно безграмотная, едва ли можно было насчитать по пальцам одной руки тех, кто проявлял какое-нибудь, пусть и малейшее, беспокойство по поводу вопросов политики, или даже имели отдаленное представление о том, что это такое и что значит эта самая политика.

А потому, когда каждый вечер мужчины собирались в Большом Доме для Бесед, очень редко разговор шел о религии или политике, отчасти из-за отсутствия интереса, а отчасти потому, что так пожелал сам Ши Мансур, а еще потому, что оживленная беседа об урожае или просто о делах обыденных оказывалась более интересной, полезной и душевспасительной.

И совершенно очевидно, что, когда растерянный старец спросил по какой причине и откуда могли появиться те, в зеленой форме, и об их взглядах на жизнь, то никто не смог дать ему обстоятельный и точный ответ, и также никто толком не знал, были ли они фундаменталистами, пришедшими с севера, анимистами с юга, коммунистами, приверженцами свергнутого диктатора, или входили в реакционную группировку, ставшую на сторону какого-нибудь генерала-ультранационалиста, которые во множестве объявились на континенте, словно чума или малярия.

Но то, что это были «солдаты», не оставляло места для сомнений, и было ясно всем, и слово это уже много времени наводило страх на местных жителей, потому что даже бабушка Мама-У, которой было не менее ста лет, не могла припомнить, чтобы к ним когда-нибудь заглядывали люди в форме, какого бы цвета она не была.

Кто-то предложил, что самым лучшим при данных обстоятельствах, было бы вернуть тела обратно в воду и позволить течению отнести их как можно дальше, туда, в низ долины, полагая, что таким способом смогут задобрить злых духов, и та страшная война продолжит идти своим путем, не заходя сюда и не касаясь мирных жителей.

Но другие, и их оказалось большинство – а среди них и могущественный Ши Мансур – заявили, что негоже добропорядочным людям позволить, чтобы дикие звери сельвы сожрали тех несчастных, когда течение в очередной раз вытолкнет их на берег.

После долгих размышлений Ши Мансур решил попросить совета у Тулио Грисси, кто по его мнению имел более или менее ясное представление о появлении тех людей в реке.

И послал тогда на его поиски, и пришлось ждать ему до глубокой ночи, поскольку – как это водилось – флорентинца не было дома на холме, ушел он на кофейные плантации на ближайших склонах и еще не возвращался.

При свете факелов небольшой человечек с огромным носом, по причине злоупотребления алкоголем, внимательно осмотрел трупы, уложенные в ряд, и тут же сел на корточки, как делают все местные, а все потому, что будучи рожденным здесь и проведя всю свою жизнь в Африке, предпочитал повадки и обычаи местных жителей, чем европейцев, за исключением, разве что, безмерной склонности к шотландскому виски.

– Дрянь дело... – констатировал он наконец, словно сделал открытие, которое его соседи проморгали, хоть всё и происходило под самым их носом. – Совсем дело дрянь!

– И что же нам делать, как по-твоему? – поинтересовался Ши Мансур, кто, судя по всему, вдруг понял, что этот белый пребывает в такой же растерянности, как и он сам. – Может их похоронить втихаря, ни кому ничего не говоря, или дать знать властям?

– Властям? – удивленно воскликнул итальянец, рассерженный подобным неблагоприятным. – Каким еще властям?

– Ну, тем... – последовал спокойный ответ. – Ну, что ходят в коричневой форме.

Очевидно было, что только после этих слов Тулио Грисси обратил внимание на некоторые особенности формы, потому что взял из рук одного из крестьян факел и поднес к телу солдата, лежащего ближе всех к нему, словно бы сам хотел удостовериться в том, какой же цвет на самом деле имеет его гимнастерка.

– Да какая разница, коричневый или зеленый? – пробормотал он хрипло. – «Властью» можно считать только тех, кто сейчас побеждает.

– А кто побеждает-то?

– Вот эти, точно нет, – последовал жесткий ответ. – Эти уже ничего не выиграют, а для нас будет лучше, если мы их похороним.

Старейшина размышлял над услышанным предложением, хотя, по правде сказать, размышлять здесь было не о чем, потому что полностью соответствовало его собственному мнению, и закончил свои размышления едва заметным кивком головы.

– Согласен!.. – молвил он наконец. – Этой ночью их постережем, а утром устроим достойные похороны. В конце концов, они погибли, защищая свои идеалы, каковыми бы эти идеалы не были.

Менелик Калерб, сидел на корточках на крыльце своей хижины и с любопытством наблюдал за происходящим не далее, как менее чем в пятидесяти метрах, и потом, на протяжении всей своей жизни, не переставал задавать себе один и тот же вопрос, а как бы сложилась судьба всех тех мужчин, женщин и детей, кто – как и он – разглядывали изуродованные трупы при неверном свете факелов, если бы мудрый и благоразумный Ши Мансур в тот самый момент проявил бы свою благоразумность и мудрость, и приказал снова бросить трупы в реку или похоронить их сразу же, не дожидаясь следующего дня.

Но Менелик был двоюродным внуком старого вождя, по линии матери, и с того времени, как помнил себя, только и слышал от своих родителей, что Ши Мансур никогда не ошибался,

и только благодаря его, как всегда, верным решениям в деревне всё спокойно и благополучно, и все счастливы.

А потому не было смысла подвергать какому-то сомнению то, что он приказал, тем более, что большинство взрослых это одобрили, точно также, как показалось, одобрил это решение и отец его хорошего друга Бруно, кто, будучи белым, должен был разбираться в таких делах, какие полностью выходили за границы понимания местных.

Менелик Калев так и не сомкнул глаз до конца ночи, а на рассвете, когда даже петухи едва начали спорить подошел ли тот момент, с которого можно начать оповещать окрестности о появлении солнца, он спрыгнул с кровати и побежал по извилистой тропинке, ведущей к старому дому на вершине холма.

Тот огромный домище со стенами с осыпающейся штукатуркой и широкой верандой, рассыпающейся на куски, когда-то, очень давно, принадлежал одному богатому колонисту, владельцу всех этих земель, пасущегося там скота и людей также, но который с приходом независимости решил побыстрее вернуться обратно в свою родную Геную, оставив все свое имущество в руках управляющего, Тулио Грисси, который, в конце концов, выкупил и рушащийся дом, и кофейные плантации на холмах, по цене отошавшей курицы. А сам Грисси считал себя более африканцем, чем европейцем, и можно сказать, почти негром, чем белым.

Дети его, Бруно, Марио и Клара, родившиеся и выросшие в том доме и в той долине, за всю свою жизнь не видели других белых лиц, чем их родители и сеньориты Маргарет, а потому можно предположить, в глубине души жалели, что цвет их кожи отличался от цвета кожи остальных детей, с которыми они и играли, и сидели за партами в классе.

Пьянчуга, грубиян и задира, не был он тем отцом, которым дети могли бы гордиться, и мать их, угрюмая, необщительная, открывала лишь рот, чтобы обругать своего мужа, когда тот, качаясь, заваливался в дом, или бранить своих детей за ужином.

А потому, когда Менелик Калев легонько постучал по стеклу окна (как это он имел обыкновение делать, когда ребята собирались порыбачить на озере или поохотиться в лесу), то не особенно удивился сразу же увидев взъерошенную шевелюру цвета соломы и веснушчатую физиономию Бруно, словно тот уже несколько часов ждал его, но Менелик хорошо знал, что друг его воспользовался бы любой возможностью, чтобы сбежать из дома побыстрее и подальше.

– Пошли вверх по реке, – шепнул он, зная, что родители Бруно все еще спят в противоположном крыле дома. – Может, там еще солдаты есть.

И ему даже в голову не пришло, что второй мальчишка мог отказаться от его приглашения, к тому же на то были веские причины, но не успел он закончить фразу, как тот, второй, уже выпрыгнул из окна в заброшенный сад, и оба они помчались вниз по холму, потом нырнули в лес и побежали туда, где река сужалась и протекала через скалистое ущелье, а чуть дальше начиналась небольшая равнина, поросшая высокой травой и усеянная кустами карликовой акации, где запросто можно было столкнуться с какой-нибудь пугливой антилопой или с вонючей гиеной.

Они прекрасно знали, что в их распоряжении была всего лишь пара часов, чтобы дойти и вернуться, до того, как сеньорита Маргарет начнет звонить в колокол, оповещая таким образом о начале уроков, а потому бежали они ровно и молча, прыгая на своих босых ногах через камни и упавшие деревья, пару раз перешли вброд речку и под конец, уже задыхаясь, забрались на вершину холма, откуда можно было видеть с одной стороны долину, а с другой небольшую равнину.

И не увидели там ничего.

Далеко-далеко на горизонте можно было различить столб пыли, и, тщательно изучив пейзаж, знакомый им до мельчайших деталей и не приметив там ничего, чтобы хоть как-то ком-

пенсировало затраченные усилия, рухнули на землю и принялись рассматривать белые облака, плывущие с запада.

– Вот дерьмо!

Не существовало более подходящих слов, чтобы описать настолько точно разочарование, охватившее их, и когда они отдышались и восстановили силы, веснушчатый спросил, не поворачивая головы:

– И что теперь будет?

– Может, ничего, – последовал не очень убедительный ответ. – Может, река принесла тех солдат издалека, и не стоит нам беспокоиться по поводу войны.

– Но они не воняли, – задумчиво возразил тот, продолжая смотреть на небо.

Не было нужды говорить по этому поводу еще что-то, поскольку и так было очевидно, а Менелик Калев знал это точно также хорошо, как и сам Бруно, что, несмотря на зной, тела не распространяли запаха, и было это по одной простой причине – трупы провели в воде менее суток, а за это время тихая река не успела бы принести их издалека.

– Что верно, то верно, – согласился африканец. – Не воняли они, но если бы солдаты были в округе, то мы увидели бы их отсюда.

Бруно Гресси поднялся, сел, обхватив руками колени, и опять начал смотреть, выискивая хотя бы малюсенькие признаки, выдававшие присутствие человека. В конце концов, передернул плечами и согласился с тем, что ничего подозрительного не было заметно и лишь легкий ветерок шевелил сухую траву да верхушки акаций.

– Будет лучше, если мы вернемся, – сказал он. – А то я в этом месяце уже три раза опаздывал, и сеньорита Маргарет наверняка выдерет меня линейкой.

Обратный путь напоминал легкую прогулку, потому что ребята ограничились лишь тем, что столкнули в воду старое бревно, уселись на него, свесив ноги, и позволили течению тащить их, не беспокоясь ни о чем, кроме как держать одежду над головой, подальше от воды, и сохранять равновесие, балансируя ногами и свободной рукой.

То развлекательное «путешествие», какое они имели обыкновение совершать каждый раз, как уходили на охоту, способствовало тому, что они незаметно позабыли о причине своего побега из дома в такую рань, но лишь до того момента, пока не обнаружили новый труп, запутавшийся в ветвях кустов, наклонившихся к самой воде.

Течение протащило их в паре метров от тела, и они отчетливо видели как труп раздуло, словно шар, и он уже начал распространять запах.

Вокруг руки, что была над водой, кружился целый рой жужжащих, злых мух.

Из-за того, что тело пребывало в необычном положении, почти висело на кусте, с ногами, опущенными в воду, они смогли достаточно ясно рассмотреть лицо, которое, и это было очевидно, принадлежало мальчишке, кто едва ли был старше их самих, смотревших на него молча и с ужасом, старше лет на пять, а может и того меньше, года на четыре.

Когда же труп, наконец, остался позади, а поднятая рука покачивалась, словно посылала прощальный привет, когда ветер шевелил ветви кустов, Менелик Калев обернулся, внимательно посмотрел на своего друга и неожиданно спросил:

– Ты обратил внимание на его форму? – и добавил после того, как тот отрицательно покачал головой:

– Она была коричневой.

– И что это значит?

– Даже не представляю. Спросим об этом у сеньориты Маргарет.

Но сеньорита Маргарет также не имела ни малейшего представления, что бы это могло значить, и к тому же, как показалось, не желала продолжать какие-нибудь разговоры об умерших, словно это помогало отогнать самые темные страхи.

Мужчины уже рыли шесть могил на опушке леса, и как только тела тех несчастных будут засыпаны землей, все и забудется, в деревню вернется покой, который с их появлением был потерян.

Но, как оказалось, не все было так просто.

В этот день почти половина детей не пришла на уроки, а те, кто все-таки пришли в школу, были на редкость взволнованы и невнимательны, словно нервное состояние, овладевшее взрослыми со вчерашнего дня, передалось и им, но при этом усилилось в тысячу раз. Ни даже толстуха Зеуди, всегда числившаяся самой прилежной из учениц, не могла сосредоточиться, когда читала вслух сегодняшний урок. А из соседнего класса совершенно ясно слышался плач малышей, которого раньше никогда не было, и сердитые крики сеньориты Абиба, кто, как казалось, никак не могла справиться с ними. До перемены оставалось менее десяти минут, что возможно поспособствовала, пусть и немного, снять напряжение, когда послышались первые выстрелы, а за ними последовали другие и в таком невероятном количестве, будто все войны этого мира неожиданно свалились на эту долину с одной лишь целью – стереть ее с лица земли. Потом прозвучало несколько взрывов, послышались истошные крики, и поднялся дым от пожаров, и в тот момент, когда все дети кинулись к окнам, стекла взорвались и разлетевшиеся осколки ранили некоторых, а шалопая Мадмеда, кто был ближе всех, убили.

– На пол! Всем на пол! – сразу же закричала сеньорита Маргарет, словно только и делал, что ожидала нечто похожее.

– Все уходите через заднюю дверь!

Задняя дверь открывалась к туалетам, ямы под которые были вырыты в двадцати метрах от здания школы в лесу. И именно спокойствие учительницы не позволило панике охватить детей, и они не бросились бежать в деревню. Сеньорита Маргарет начала толкать их вперед, перед собой, вглубь зарослей, где ни шальные пули, ни взрывы не смогли бы достать их.

Ее товарищ сеньорита Абиба тоже делала все возможное, но вскоре стало ясно, что именно сеньорита Маргарет взяла под контроль ситуацию, и, подхватив на руки перепуганную «Царицу Билкис», которая от страха и шагу не желала ступить, еще обхватила за шею и потащила за собой Марио, младшего брата Бруно Грисси, кто словно остолбенел от охватившей его паники.

– Самых маленьких! Хватайте самых маленьких! – кричала она своим ученикам. – Менелик! Проверь, чтобы никто не остался!

Мальчишка немедленно исполнил приказ, вернулся в классы, где обнаружил спрятавшегося под столом, бьющегося в истерике Аския, кому хоть и не исполнилось еще семи лет, но он ухватился за ножки учительского кресла с такой силой, что оттащить его не представлялось возможным.

К счастью, спустя несколько секунд, ему на помощь примчался Бруно Грисси, и оба они с большим трудом разжали его пальцы и понесли на руках, несмотря на то, что тот визжал и брыкался, словно свинья, которую волокли на бойню.

Взрывы, вопли, пулеметные выстрелы только усиливались, и когда Менелик и Бруно уже собирались нырнуть в глубь чащи, то разглядели на противоположном берегу реки фигуру бегущего солдата, он стрелял из автомата в толпу женщин, которые в свою очередь убегали от него.

Сгрудившись под огромной сейбой, в трех километрах от школы, четырнадцать детей и две учительницы дрожали и плакали в течение нескольких, бесконечно долгих часов.

Все еще слышны были отдаленные крики.

И отдельные выстрелы.

Над пожарищами поднимался густой дым.

Чувствовался смрад сожженного мяса.

Смерть все еще кружилась над тем местом, где когда-то стояла их деревня.

Пришла война.

И ничто так не удлиняет ночь, как ужас.

А ужас, который разделяют другие, множится и усиливается до такого состояния, когда превращается в панику, и такого не произошло под сейбой лишь потому, что сеньорита Маргарет сохранила присутствие духа, и она, словно бы превратилась в приемную мать кучки беззащитных существ, рыдавших и умолявших, чтобы их настоящие родители оказались здесь же, вместе с ними.

Растерянная сеньорита Абиба, послушный Менелик, веснушчатый Бруно, его светловолосый брат Марио, и даже непослушный Ахим Биклия, все они оказались бесценными помощниками, но та женщина, кто возложил на их хрупкие плечи тяжелейшую ношу успокоить остальных малышей, обладала стальной волей, хоть и тщательно скрываемой за большими голубыми глазами и робкой улыбкой.

И возможно, она была единственным человеком из всей группы, кто понял величину той трагедии, что разворачивалась на противоположном берегу реки, и, наверное, также была единственным человеком, кто осознал, что произошедшая катастрофа – не более чем прелюдия того, что их ожидает в будущем, потому что для нее все эти крики, выстрелы и взрывы представлялись чем-то вроде того момента, когда настраиваются инструменты, чтобы потом приступить к исполнению самой увертюры.

Черное африканское небо окрасилось в красный цвет, отражая отблески пламени, пожирившей десятки домашних очагов, где рождались поколение за поколением мужчины и женщины, где они любили друг друга и где умирали, и прозрачный воздух сельвы, до того наполненный густым ароматом сырой земли, теперь вонял сожженным человеческим мясом и еще каким-то кислым запахом, струящимся у самой поверхности, который исходил от дыма, поднимавшегося над складом, где хранились сотни пластиковых емкостей, использовавшихся женщинами, чтобы складывать кофейные зерна, когда подходила пора сбора урожая.

А под утро сильнейший ливень наполнил лес таинственными шорохами, и первые лучи солнца проникли сквозь мокрую листву, с которой на землю соскальзывали капли, словно бы сам дождь присоединился к плачу детей, осознавших, что с того момента, как первый мертвец появился на реке, они потеряли все, что до этого имели.

Прошел час, и сеньорита Маргарет жестом подозвала Менелика, кто был самым старшим из детей.

– Сходи, посмотри, что там произошло, – попросила она. – Но близко не подходи.

– И я с ним!

Отважная женщина пристально посмотрела своими ясными глазами на веснушчатую физиономию Бруно Гриси и утвердительно кивнула головой.

– Хорошо!.. – ответила она. – Но будьте осторожны, очень осторожны.

Два друга пробирались через заросли так тихо, как проделывали это, когда забирались в лес в поисках павианов, а потому им понадобилось полчаса, чтобы добраться до берега реки, откуда можно было видеть простой деревянный мост и лестницу, плавно спускавшуюся по склону, над которым еще вчера возвышалась сотня аккуратных хижин из кирпича, крытых соломой.

Мост исчез, а вместо просторных хижин возвышались лишь почерневшие стены, растрескавшиеся от бушевавшего вокруг пламени, с грязными, черными подтеками, оставшимися после дождя, когда потоки воды вперемежку с пеплом падали с горящих крыш, от которых теперь не осталось и следа.

На месте гигантского дома, возведенного сто лет назад гордым генуэзцем, виднелись дымящиеся развалины, и большая железная кровать по какой-то непонятной причине выкатилась прямо в сад.

А вокруг валялись трупы.

Десятки, даже сотни трупов зверски изуродованных или превратившихся в обугленные, вонючие куски человеческого мяса, и то безо всяких сомнений показывало, что авторы всей этой дикой бойни явно хотели продемонстрировать, что на континенте, где все делается халтурно и небрежно, еще остались те, кто может сделать свою работу добросовестно.

Ничто не шевелилось, за исключением крыльев гриффов, и нигде не было видно ни одного из тех, кто совершил это зло, должно быть с наступлением нового дня они сами испугались размаха своего варварства.

Какое-то время, показавшееся им бесконечностью – и нет ничего более бесконечного, чем наблюдать за концом света и концом их семей – Менелик Калев и Бруно Гриси стояли, как вкопанные, держась за руки, чтобы хоть как-то подбодрить друг друга, смотрели широко открытыми от ужаса глазами на весь этот кошмарный спектакль, и хоть они и принадлежали к разным расам, и отличались цветом кожи, и верования у них были разные, но одинаковое чувство ярости и тревоги овладело их сердцами.

И так продолжали они стоять, не шевелясь, хотя и не могли сдержать легкий спазм, сотрясавший их тела, и только когда убедились, что на противоположной стороне не осталось ни одного живого существа, набрались смелости дойти до воды и перейти реку вброд.

Спустя два часа они без сил, молча рухнули под сейбой, и Бруно лишь обнял свою сестру Карлу и с силой сжал руку Марио, а Менелик Калев смотрел неподвижно куда-то вдаль, словно еще надеялся разглядеть среди деревьев кого-то из своей родни.

– Они всех убили? – наконец спросила сеньорита Абиба голосом тихим, едва различимым.

– Всех.

Никто уже не плакал больше, чем тогда, ночью.

Никто не спрашивал про ужасные подробности, чтобы не усилить терзавшую их боль.

Никто не просил разрешения пойти посмотреть, во что превратились их любимые близкие и место, где они были счастливы, возможно еще и потому, что сеньорита Маргарет почувствовала – будет лучше если в их памяти останутся воспоминания о родителях, когда те были полны жизни, и о деревне, когда она процветала, чем о куче дымящихся руин и о зверски изуродованных трупах.

– Что будем теперь делать?

Бруно Гриси взглянул на сеньориту Абиба, пролепетавшую, заикаясь, этот вопрос, потом посмотрел на Менелика, словно просил его подтвердить то, что скажет.

– Бежать, – произнес он наконец. – Если нас найдут здесь, тот тоже убьют.

– Но вы всего лишь горстка детей!

– Они отрезали голову моему брату, – ответил Менелик хриплым голосом. – А ему было всего три года.

Все хорошо знали сорванца Сахима, толстощекого мальчугана, у которого все время текло из носа, и кто целый день тем только и был занят, что со смехом и восторгом гонялся за курами и пытался помочиться на них, а те улепетывали от него со всех ног, и то, что нашлись такие люди, способные отрезать голову этому совершенно безобидному существу, заставило их понять, что и в самом деле будет лучше уйти отсюда как можно быстрее, если, конечно, они не хотят окончить свои дни таким же образом.

– И куда же мы пойдем?

– Далекое...

Вот это «далекое», по сути, было единственным подходящим ответом на тот вопрос, хотя никто из присутствовавших не имел ни малейшего представления, что это такое и что могло значить, поскольку весь их мир заканчивался горами, окружавшими деревню, а то, что располагалось за горами, представлялось им совершенно неизвестной вселенной, куда они никогда не хотели и не пытались проникнуть.

Хищные звери, злые духи, племена, с которыми они враждовали чуть ли не с начала времен, солдаты, партизаны, свирепые бандиты и даже работорговцы кишели там, где заканчивались границы их мира, и даже от одной лишь мысли, что придется погрузиться в это болото из опасностей, у них перехватывало дыхание.

Сеньорита Маргарет, державшая на коленях очаровательную «Царицу Билкис», которая наконец-то заснула, сдавшись под напором эмоций и усталости, обвела взглядом удрученные лица тех, кто, как ей показалось, возложил на нее все свои надежды, и наконец произнесла, в безуспешной попытке выглядеть решительной и помочь им обрести хотя бы крохотную искорку надежды:

– Пойдем к морю, а там нас подберут. Сядем на пароход, и нас отвезут туда, где нет войн, и где будут заботиться о вас.

Точно также она могла бы сказать «Пойдем на Луну», потому что для бедных детей, рожденных в крохотной деревушке, затерянной в самом сердце эфиопского массива, море было таким же далеким и непостижимым понятием во времени и в пространстве, как и сами планеты.

Но если сеньорита Маргарет утверждала, что им нужно идти к морю, то туда они и должны идти, поскольку во всей деревне только старшая учительница и видела это море, хотя тогда ей исполнилось всего лишь восемь лет.

– А где оно располагается, это море? – поинтересовался Менелик Калерб, кто показал себя самым практичным из всей группы.

– В конце реки. Насколько я знаю, все реки впадают в море, – она попыталась улыбнуться, как получится, чтобы ободрить остальных. – Но сейчас самое главное – это найти еду.

– Они все унесли, – заметил Бруно Грисси. – Но мы можем пойти поискать коз старика Амеда в ущелье. Какая-нибудь могла и уцелеть.

– Идите, но будьте осторожны... И Ахим пойдет с вами.

Самый беспокойный из всех, Ахим Биклия, кто первым увидел труп, плывущий по реке, за прошедший день превратился в совершенно другого человека. Вот уже более четырех часов он сидел неподвижно, не сводя глаз с какой-то точки на вершине столетнего дуба, словно именно там находились ответы на многие его вопросы, которые он не решался произнести вслух.

Сидел он молча и казалось, что даже не слышал о чем говорили вокруг него, а в тот момент, когда Менелик легонько тряхнул его за плечо, будто хотел разбудить, он взглянул на него словно на чужого, а на не на того, с кем на пару совершил сотни шалостей за последние годы, от чего даже всегда сдержанная сеньорита Маргарет приходила в ярость.

– Почему? – спросил он неожиданно, будто Менелик, кто был старше его всего лишь на несколько месяцев, знал ответы, которые столетний дуб не смог дать ему.

– Не знаю, – ответил его друг. – Но если пойдешь с нами, то возможно и узнаем. Не можешь же ты сидеть здесь все время.

Они проскользнули по лесу до берега реки, долго выжидали, высматривая, не вернулись ли солдаты, и пока оставались там, Бруно Грисси обратил внимание на дюжину пирог, стоявших у берега, метрах в ста от них вниз по течению.

– Они не сожгли их, – заметил он.

– А зачем им это делать, если они думали, что никого не оставили в живых?

– Нет, просто если лодки остались там, то они не пошли вниз по течению, – уточнил веснушчатый. – Так в каком же направлении они ушли тогда?

В ответ Менелик лишь неопределенно пожал плечами, показывая тем самым, что не имеет ни малейшего представления, а спустя несколько минут они опять пересекли реку, обойдя деревню стороной, и направились напрямиком к ближайшей расщелине, заросшей тростником, где старый Амед держал своих коз.

Там они и были, а с ними и старик Амед, чудесным образом оставшийся в живых, увидев их, он принялся плакать и обнимать, словно это была спасительная доска в штормящем море.

– Маленькие мои! Маленькие мои! – всхлипывал он, хотя всегда был несносным ворчунном, постоянно пребывавшем в дурном настроении, и швырял в ребят камнями, когда те слишком близко подходили к его животным. – Мои несчастные малыши!

Когда, наконец, он успокоился, а ребятам удалось отойти от него на несколько метров, потому что от старика ужасно воняло козлятиной, он ответил на все вопросы, какие были заданы ему, хотя ответы его были сбивчивыми и несвязанными, и мальчишкам потребовалось чуть ли не полчаса, чтобы сложить все в более или менее ясную картину.

Судя по всему, пастух возвращался к себе, после того как раздал молоко, как он это имел обыкновение делать каждое утро, когда заметил с полсотни солдат, которые окружили деревню, как и любой пастух, был он человеком недоверчивым и осторожным, а потому предпочел спрятаться в кустах, и уже оттуда наблюдал за происходящим.

Несмотря на отделявшее его расстояние, он видел как солдаты пришли в ярость, обнаружив изуродованные тела своих товарищей, и, не обращая внимания на все заверения старого Ши Мансура, что они не виноваты, который клялся, что это река принесла их с собой, начали стрелять направо и налево, не оставив в живых никого, кроме молодых женщин, которых потом насильовали всю ночь.

– А утром убили почти их всех, – закончил он свой рассказ. – Думаю, что только троих увели с собой.

– И куда они ушли?

– Не знаю. С наступлением темноты я уполз в одну из пещер в расщелине, там и остался.

Когда же сообщили ему, что спаслась группа детей и две их учительницы, и что они собрались идти к морю, тот глубоко задумался, но потом, легко качнув головой, дал понять, что не пойдет с ними.

– Стар я уже, чтобы увидеть море, – сказал он. – Возьмите с собой коз, но сам я останусь. Здесь я прожил свою жизнь и здесь хочу умереть... – он горько улыбнулся и добавил, жестом показав на деревню. – И еще мне нужно столько похоронить.

– И ты будешь здесь один? – удивился Ахим Биклия.

Старик подумал немного и, протянув руку в сторону одной из коз с большим коричневым выменем, что все время держалась около него, сказал:

– Оставь мне эту. Ей нравится быть рядом со мной, и молоко ее мне понадобится. Я же теперь ем только сыр.

И они оставили его там, а когда уходили, он задумчиво смотрел им вслед и чесал голову старой козе. Возвращались они, гоня перед собой стадо непоседливых животных, но в этот раз им не пришлось углубляться в чащу, потому что все перебрались в здание школы.

Сеньорита Маргарет не разрешала никому из младших уходить далеко, понимая, что вид изрубленных тел оставит глубокий след в их душах на всю жизнь, а потому, к тому моменту, когда вернулись ребята, заперла всех в самом большом из классов.

Всегда проворная сеньорита Абиба убила одного козленка, которого тут же освежевали, зажарили и съели, запивая козьим молоком из больших кружек, и вся эта еда, усталость и напряжение последних дней обрушились на самых маленьких, словно каменная плита, и сеньорита Маргарет решила, что будет лучше остаться на ночь тут же, в школе, чтобы утром отправиться в путь.

Когда все заснули, обе женщины вышли на крыльцо и сели на ступени, смотрели на появляющиеся на ночном небосводе звезды, миллионы звезд.

Смотрели и молчали, долго, очень долго, словно никак не могли примириться с мыслью насколько резко и неожиданно изменился ход их жизнью, и наконец, не опуская глаз, сеньорита Абиба робко спросила:

– Как думаешь, мы доберемся?

Судя по всему, ее подруга давно уже ожидала этого вопроса, а может быть, все это время она сама себе задавала его, но, не отводя взгляда от звезд, ответила уверенно:

– Дело не в том, что я думаю, а в том, что мы должны сделать. Когда нам доверили этих детей, то сделали это не только для того, чтобы мы научили их читать и писать, а чтобы мы заботились и оберегали их.

– Но море так далеко отсюда! Как мы доберемся до туда? И кто-нибудь поручится, что когда дойдем, то хуже не будет?

– А что нам остается делать? – последовал ответ. – Здесь остаться? Вернутся солдаты, и если не они, то их враги, а для нас это одно и то же.

– А если ни те и ни другие не придут?

– Так и еще хуже! – обыденным голосом заметила сеньорита Маргарет. – Как думаешь, сколько времени потребуется горцам узнать, что здесь всех взрослых убили? Неделя? Может месяц? Слух быстро разлетится, и они придут за добычей, придут разграбить то небольшое, оставшееся, и увести детей, – она помолчала и добавила с горечью. – И да простит меня Господь, но я предпочитаю видеть их мертвыми, чем рабами, потому что мой отец всегда говорил: африканцы еще более расисты, какими и белые-то никогда не были.

Молодая и в определенной степени привлекательная сеньорита Абиба не знала что и как на это ответить, поскольку в глубине души была уверена – ее подруга, обучившая ее всему, что сама знала и умела, в очередной раз была права. Без мужчин, которые могли бы защитить их, на детей смотрели бы как на военные трофеи: мальчишек направили бы на самые тяжелые работы в поле, а девочки, рано или поздно, превратились бы в товар исключительно для удовлетворения сексуальных потребностей.

Зная достаточно про примитивные племена, живущие в горах и время от времени спускавшиеся в долину воровать скот, у нее не возникло и тени сомнения по поводу того, как те поведут себя, когда до них дойдут новости, что в долине не осталось воинов, способных держать оружие.

– Похоже, что это наследие колониальной эпохи, – пробормотала она не очень уверенно.

– Нет, детка, нет, – возразила ей сеньорита Маргарет. – Ненависть меду племенами существовала задолго до того, как первый европеец ступил на землю континента, но сейчас не время для рассуждений, – она с нежностью провела ладонью по маленьким черным, как смоль, косичкам, свисавшим до самых глаз подобно густому занавесу. – А теперь иди спать. Впереди нас ждут очень тяжелые дни.

– А ты не пойдешь?

– Да, сейчас пойду... – сказала она. – Только посижу ту еще немного, мне нужно обдумать кое-что.

Когда девушка ушла внутрь школы, сеньорита Маргарет опять подняла глаза к небу, как имела привычку делать каждую ночь, сколько помнила себя, потому что знала по опыту, что несколько минут, проведенных наедине с Создателем, компенсировали ей все тяготы и трудности, какие день принес с собой.

Сеньорита Маргарет происходила из семьи, почти полностью посвятившей себя служению Богу, хотя по какой-то непостижимой причине ее Бог был не тем, который отец сеньориты Маргарет, преподобный Алекс Мортимер, учил почитать, но был он гораздо меньше и более близок к ней, и полностью заполнял все ее существо.

Этот маленький и именно ее «Бог» никогда не просил найти каких-нибудь последователей, может потому, что ему было достаточно той спокойной, простой и нежной веры, которую она исповедовала, а со своей стороны сеньорита Маргарет всегда придерживалась мнения, что свой собственный, пусть и небольшой бог, был предпочтительней, чем тот, что пользовался

более широким признанием и был более могущественным, но кому приходилось распределять свое внимание среди миллионов и миллионов приверженцев.

И не вела она себя так, словно хотела попросить у Бога многое – сеньорита Маргарет никогда не испытывала необходимость просить что-то – хотя бы потому, что была уверена – любовь к Богу нечто настолько личное, как любовь к мужчине, и ей совсем не хотелось делить своего мужчину, в том случае если появился бы у нее, с кем-нибудь, и также ей была неприятна мысль делить своего бога с кем-то еще.

До сегодняшнего дня их взаимоотношения были дружественными и неторопливыми, их беседы были пропитаны ароматами сельвы и наполнены переливистым пением птиц, от чего темные африканские ночи становились спокойными, а потому сейчас, после того дня, наполненного ужасами, сеньорита Маргарет не могла избавиться от чувства растерянности, словно только что обнаружила, что кто-то, кому она слепо доверяла, хладнокровно предал ее.

То «душевное равновесие» – непоколебимая основа ее отношений с собой, с остальным человечеством и даже с природой, неожиданно распалась на мелкие кусочки, и теперь все ее существо, потеряв привычную гармонию, отчаянно билось за то, чтобы обрести спокойствие и, как следствие этого, окончательно запуталось и смутило ее до самых потаенных уголков души.

И вот сидела она там, на ступенях школы, как делал это каждую ночь, но на крыльце своей старенькой хижины, и спрашивала у своего Бога: какие у него были причины, чтобы сделать то, что было сделано, и ответа не получила.

– Кого ты собираешься подвергнуть испытанию? – язвительно спрашивала она. – Ни искренность моей веры, ни тем более веры тех миллионов, кто обожают тебя больше, чем я, не смогут компенсировать все те страдания. И целой вечности, что я проведу в аду, не хватит, чтобы расплатиться за мучения этих детей... – и в тоне ее голоса звучало горькое порицание, без намека на надежду. – Зачем тогда все это?

Насилие, жестокость и месть – чувства далекие от понимания для такой бесконечно доброй женщины, как сеньорита Маргарет, которая даже тогда, когда до нее долетал смрад смерти и ворчание гиен, спорящих вокруг трупов на противоположном берегу реки, с великим трудом верила в то, что подобное варварство имело место, и все, что она теперь просила у своего маленького Бога – это проснуться и не видеть более всего этого кошмара, и чтобы мир вернулся к своему простому и мирному состоянию, каким он был три ночи назад.

Но неожиданно усталость обрушилась на нее, словно сокол на добычу, и как бы глубоко не был надломлен дух, но наступает такой момент, когда телесные силы преобладают, и она уронила голову и провалилась в сон, до того момента, когда короткий, но сильный тропический ливень не обрушился и не промочил ее до последней нитки.

Светало.

Она открыла глаза и сразу не смогла понять где находится, а когда, наконец, сообразила, встревожилась, увидев как крошечная фигурка удаляется по направлению к берегу, а дождь лил с такой силой, словно стена из воды.

Она сорвалась с места и побежала следом, догнала почти у самой воды, а когда схватила за руку и повернула к себе, увидела огромные глаза Надим Мансур, кто, как показалось, даже обиделась из-за того, что ей помешали.

– Оставьте меня! – попросила она, отдергивая руку.

– Куда ты идешь?

– Домой.

– Ты не можешь идти туда, – заметила ей сеньорита Маргарет, голосом ровным и нежным.

– Почему?

– Дома нет, его разрушили.

Малышка, которая едва лишь пару недель назад отпраздновала в веселой компании, там же в школе, свой восьмой день рождения, размышляла над сказанным лишь мгновение и сразу же ответила совершенно уверенно:

– Мой папа отремонтирует его. Он всегда ремонтирует его.

Сеньорита Маргарет опустила на колени перед ней и в смущении смотрела на девочку, поскольку полагала, что к этому моменту все дети осознали – их родители мертвы, а деревню разрушили.

В горле у нее все пересохло, и она в который уже раз спросила своего кроткого Бога, зачем он заставляет ее пройти через все эти испытания, и, собрав всю свою волю и мужество, прошептала срывающимся голосом:

– Твой папа, малышка, умер. Вся твоя семья умерла.

Последующий вопрос был самым обескураживающим из тех, какие опытный учитель получал и на которые отвечал в течение почти тридцати лет.

– И если вся моя семья умерла, то почему я должна продолжать жить?

– Потому что Господь этого хочет.

– Тот же самый, что пожелал, чтобы вся моя семья умерла?..

И ничего ей не пришло в голову, чтобы ответить на этот вопрос, а всего лишь взяла малышку за руку покрепче и вместе с ней вернулась в школу.

На крыльце она заприметила худую и высокую фигуру Менелика Калев, про которого все знали, что он просыпается самым первым в деревне.

– Займись ей, – попросила она. – Хотела вернуться к себе домой.

Потом прошла внутрь школы, в самый большой из классов, и обвела взглядом лица детей, и спросила саму себя, а не лучше ли было, чтобы они вот так продолжали спать до скончания века, чем выйти навстречу тяжелым испытаниям, безо всяких сомнений ожидавших их.

И наконец подошла к большой карте, висевшей на стене, и внимательно рассматривала ее, пытаясь понять в каком направлении нужно им идти, чтобы добраться до моря, не пересекая по пути области, где, как она слышала, идут самые кровопролитные бои.

Та война, тот абсурдный конфликт, опустошавший страну вот уже в течение четырех долгих лет, и принесший с собой для большинства ее жителей лишь голод и отчаяние, до вчерашнего дня был лишь не более, чем далекими слухами, что приносили с собой редкие «Рассказчики истории», которые время от времени случалось забредали в затерянную долину, и все, что сеньорита Маргарет знала про войну, это что расползлась она в основном вокруг больших городов и плодородных долин, поскольку для всемогущих Господ никакая победа в этой Войне не имела смысла, если не приносила с собой хороших трофеев, с помощью которых можно было бы компенсировать затраченные солдатами усилия.

Горы, джунгли и долины, расположенные на периферии, все это время оставались вне пределов столкновений, но трупы на противоположном берегу ярче всего показывали, что, в конце концов, конфликт перевалил через все границы, и теперь невозможно было определить в каких регионах сохранилась еще мирная жизнь, а в каких шла война.

Но, тем не менее, она попыталась разобраться в запутанной, похожей на лабиринт, карте, покрытой мушинными следами, и найти путь, что привел бы их к морю, в обход тех мест, где идут бои, но, сколько бы она не всматривалась, найти такой дороги не получалось.

Их деревня и долина даже не были указаны на той карте, и река, по которой они намеревались спуститься, возможно, была изображена в виде одной из тех голубых линий, извивающихся среди того, что, предположительно, должно быть высокими горами.

Сеньорита Маргарет не имела точного представления где они вообще находятся, и уж тем более каким путем следовать, чтобы выбраться из этого лабиринта, но единственно, в чем она была совершенно уверена, так это в том, что ни при каких обстоятельствах не могла позволить, чтобы жизнь этих несчастных существ наполнилась насилием и закончилась в рабстве.

Где-нибудь там, на востоке, должно же быть море.

Море!

И наконец, глубоко вздохнув, собравшись с духом, взяла в руку длинную линейку, что внушала страх всем ученикам, с размаху ударила ей несколько раз по столу, как имела обыкновение делать, когда хотела навести порядок в расшалившемся не в меру классе.

– Вставайте! – приказала она. – Все вставайте! Мы идем к морю.

Мальчишки постарше, Менелик Калерб, Бруно Грисси и Ахим Биклия, еще раз вернулись в деревню, где к своему удивлению нашли старика пастуха, всю ночь он копал глубокую могилу, куда сбрасывал части человеческих тел, которые очень часто приходилось ему отбирать у гиен, грифов и шакалов.

– Уходите! – закричал он им. – Я не хочу чтобы вы видели это.

Бруно Грисси хотел было в последний раз взглянуть на то, что осталось от его родителей, но увидев бесформенную кучу пепла, в которую превратился некогда массивный дом на холме, пришел к заключению, что их останки смешались с этим пеплом, и ограничился тем, что открутил один из тяжелых шаров, украшавших изголовье кровати, на которой когда-то родился, чтобы унести его с собой, как память и о доме, и о своей семье.

Смутные предчувствия указывали ему, что начиная с того момента, домашний очаг его будет в какой-то другой, далекой стране, по ту сторону моря и далеко от Африки, и что вся его семья теперь состоит из сестры Карлы и брата Марио, которых он должен оберегать любой ценой и всем своими силами.

А потому ограничился тем, что пробормотал короткую молитву, стоя перед уцелевшей дверью, через которую столько раз выбегал на улицу, и пошел обратно, разыскивая Менелика и Ахима, а они тем временем стаскивали к пирогам разные вещи, одежду и продукты, какие удавалось найти среди руин.

В неглубокой нише, внутри того, что некогда было хижиной великана Суллема, они отыскали старую винтовку, в удивительно хорошем состоянии, и коробку с патронами, которые огонь пощадил, и мысленно поблагодарили смелого деревенского охотника за то, что всегда был человеком предусмотрительным и аккуратным, что прятал свои ружья и патроны подальше как от сырости, так и от детей.

Спустя пару часов, когда пришли к заключению, что вокруг не осталось ничего маломальски полезного, помахали на прощание пастуху, поглощенному своим занятием, каждый из них забрался в свою пирогу, позволив течению нести их плавно вниз по реке.

Последнее, что они увидели – разрушенную деревню и старика с лопатой в руках, провожавшего их взглядом, стоя на краю огромной могилы, с безутешным видом человека, убежденного в том, что это были последние живые существа, какие он видел в своей жизни.

Никто из них не плакал.

Какая-то когтистая лапа, раскаленная до красна, сжала их сердца, а в животах разверзлась пропасть, но, удаляясь от того, что когда-то было их миром, они лишь крепко сжали зубы, осознавая, что теперь просто обязаны стать примером для подражания для остальных малышей.

Плачь не плачь, но родителей не вернешь к жизни.

И ни одна слезинка не поможет отомстить за них.

Не время сейчас для слез и мести, но нужно найти дорогу к тому месту, где можно будет жить в мире и без страха.

Когда деревья полностью скрыли деревню, они наконец взяли за весла и принялись грести в сторону того места, где их ожидали остальные.

Сеньорита Маргарет благоразумно решила: не стоит подвергать малышей такому испытанию – видеть, пусть и издалека, то немногое, что осталось от их домов, а потому повела их через лес к опушке, где они ждали в абсолютной тишине и молчании, и трудно было предста-

вить, что именно эта ребятня вылетала из дверей школы с дикими воплями, крича и гоняясь друг за другом, а затем ныряли в реку и резвились в воде до самого обеда.

Прежде чем сесть в лодки, сеньорита Маргарет разделили всех на три группы, и когда обратилась к ним, то сделала это не как добрая учительница, которая снисходительно относится к тому будут ли ее слушать, или не будут, а говорила голосом жестким, как человек, чей авторитет не подвергается сомнению и кто не потерпит даже малейших возражений в отношении своих приказов.

– В каждой группе каждый из вас будет отвечать перед тем, кто старше него, – сказала она. – Менелик, Ахим и Бруно будут ответственными в каждой из своих групп. И никто, слышите меня! Никто не посмеет ослушаться распоряжений тех, кто по своему возрасту стоит над ними, или, клянусь, будете вспоминать меня до последнего своего дня, – и обвела их суровым взглядом. – Все ясно?

Большинство сразу же кивнули в ответ, но поскольку она чувствовала, что не всем такое по душе, добавила тем же тоном:

– Сейчас речь идет не о наказаниях за ваши шалости более или менее тяжелые. Сейчас речь идет о том, что наши жизни зависят от того совершит ли кто из вас даже малюсенькую ошибку, – и с угрожающим видом подняла палец. – Я буду жестока, – закончила она. – Настолько жестока, что вы даже не представляете, насколько я могу быть.

Жестом она показала, чтобы начали грузиться в лодки, и делали они это в строгом порядке, от младшего к старшему, и хоть знали ее столько, сколько себя помнили, и очень часто не воспринимали всерьез, сейчас могли видеть, как некогда добрая и все позволяющая учительница, каким-то образом сразу превратилось в существо жесткое и неуступчивое, решительно настроенное на то, чтобы до последней буквы исполнить все свои угрозы.

Когда сеньорита Маргарет удостоверилась, что каждый из них находился на своем месте, она зарядила винтовку, что некогда принадлежала большому охотнику, положила ее себе на колени, села на носу пироги, которой управлял Ахим, позволив сеньорите Абиба занять место в лодке Бруно Гресси, а Менелик Калев завершал процессию.

– Вперед! – произнесла она. – Да поможет нам Бог.

И они начали спускаться вниз по спокойной реке, что в большинстве своем была не шире пятнадцати метров и несла воды через густой лес, где сплелись толстые стволы можжевельника с гигантским вереском, какие произрастают лишь в самых отдаленных областях Эфиопии.

Иногда река проходила через неширокие саванны, где над высокой бурой травой замерли красивые акации с раскидистыми кронами, а в тени, под деревьями, изредка можно было видеть одинокого Абиссинского волка, с бордовой шерстью и черным хвостом, кто, несмотря на свое грозное название, больше походил на собаку или на лисицу, чем на настоящего волка.

Лежали, не шевелясь, и не выказывали ни малейшего намека на недоверие и страх от присутствия человека, ограничиваясь лишь тем, что краем глаза следили за ними, демонстрируя безразличие, может быть даже немного раздраженные от того, что люди объявились в самое неподходящее время, в полдень, когда все имеют привычку отдыхать и заниматься пищеварением, после обильного обеда.

Множество крыс темного окраса водилось на тех саваннах среди высокой травы, они рыли свои норы в неглубоком слое почвы, едва покрывавшем скалистое основание или слой твердой, словно камень, глины, а ястребы и соколы или пустельга питались ими, и были упитанными, с лоснящимся оперением, и вид у них был как у существ, у которых жизнь удалась, и, глядя на них, можно было сказать, что они пребывали у самого порога в рай.

Такие крысы были настоящей «манной» для бесчисленного количества хищников, и одновременно представляли собой самое ужасное бедствие для немногочисленной людской популяции в регионе, кто должен был сражаться в любое время дня и ночи, отгоняя их от своих очагов и урожая, и мало кто из детей не стал жертвой этих агрессивных грызунов.

Единственный способ борьбы с ними – это организовать огненное кольцо вокруг мест обитания, и позволить огню сжимать это кольцо, пока пламя не испепелит тысячи их, но для этого нужно было дожидаться засушливого сезона, чтобы трава загоралась быстро, но одновременно возрастал риск, что огонь доберется до соседнего леса, и приведет к настоящей катастрофе, в которой погиб не один поджигатель, став жертвой своих же методов.

В часы наибольшего зноя, когда их враги дремали, огромные крысы выходили на водопой, и не составляло труда разглядеть мордочку, высывающуюся из кустов, или видеть, как они бегают по небольшим речным пляжам.

Для большинства детей, теперь сидящих в лодках, охота на крыс всегда была основной обязанностью, но в тот момент они смотрели на них не как на ненавистных врагов всей деревни, а как на часть их прошлой жизни, важную часть, которая оставалась позади, пока река несла их дальше, к ущельям в скалах, отделявшим их длинную и жаркую долину, где они родились, от прочего мира.

Тот отдаленный уголок Эфиопии представляет собой первобытный остров из лавы и черного камня, подобно гигантскому кораблю, наскочившему на мель, он врезался в желтые пески Сахары и в голубое море, а вершины его местами достигают четырех тысяч метров, есть там и скалистые утесы, чьи склоны словно бы обрезали ножом на глубину в две тысячи метров, и недалеко от тех мест, где зарождается Голубой Нил, существует ущелье, внутри которого исчез бы знаменитый американский каньон из Колорадо.

Природа истерзанная, с отдельно стоящими плато, имевшими такой вид, словно демоны ада пытались пробиться здесь наружу, а пропасти там такие узкие и глубокие, что даже орлы не могут летать над ними, настолько сильны там ветра, что разбивают птиц о стены или просто уносят с собой, как в чудовищную сточную трубу.

А там, наверху, на высоте в три тысячи метров, все выжжено безжалостным тропическим солнцем, а на дне ущелий, куда это самое солнце никогда не заглядывает и через которые протекают неистовые реки, воздух остывает настолько, что никогда не успокаивается и все время пребывает в движении, и настолько сильны его порывы, что очень часто вой и рев производимый им, когда он налетает на камни или проносится сквозь кусты, слышны за многие километры.

«Там, где поют Боги» – пожалуй, самый дикий из уголков планеты, где не царствуют вечные снега, и над его неровной поверхностью из темной лавы, что очень похожа на выдубленную кожу крокодила космических размеров, в период дождей поднимается густой туман, по причине мощных испарений, что еще больше способствует тому, что этот угрюмый пейзаж, принимает вид угрожающий.

Чтобы спуститься на самое дно одной из тех невообразимых расщелин, и затем подняться по противоположной стене, на это рискованное предприятие могут уйти недели, и в том нет ничего удивительного, что существуют большие пространства в тех местах, где никогда не ступала нога какого-нибудь человека, или там встречаются поселения, что не меняли своего вида на протяжении тысячелетий.

Всегда жизнелюбивая сеньорита Маргарет, однако, вспоминала с чувством настоящего ужаса то долгое путешествие, что совершила почти сорок лет назад, когда ее отец искал такой отдаленный уголок, где бы слово Божье звучало также свежо и правдиво, как когда-то в древней Галилеи.

Человек этот, кто начал жить по зову сердца, хоть и с некоторым запозданием, преподобный Алекс Мортимер, первый раз в своей жизни прислушался к словам вечным, когда его бросила жена, оставив на руках его болезненную девочку, как единственное воспоминание о себе, которая, по словам медиков, навряд ли сможет выдержать сильную жару тропических регионов, если то не будет климат мягкий и влажный, более свойственный высокогорным лесам, саваннам или африканским пустыням. После длительного процесса изучения и множе-

ства консультаций, преподобный Мортимер пришел к заключению, что только эфиопский горный массив единственное место на Черном Континенте, сочетающее в себе обе черты, которые определил для себя как основные при поиске места, где смог бы исполнить свою новую задачу: наличие примитивных дикарей, нуждающихся в слове Божьем, а также чистый и свежий воздух, так необходимый для легких маленькой Маргарет.

Если путь от Джибути до Аддис-Абебы, что они преодолели на поезде, оказался полным приятных и ярких впечатлений и, как результат, с самого первого мгновения отец с дочерью полюбили местный образ жизни, то бесконечная экспедиция на мулах по дикому, напоминающему лабиринт плоскогорью, превратилась в настоящее испытание и в большей степени способствовало тому, что у сеньориты Маргарет никогда не возникало даже маломальского желания покинуть долину.

Каждый раз, как камень начинал шататься под копытами мулов на краю пропасти глубиной в тысячу метров, ее охватывало страшное головокружение и перехватывало дыхание, и воспоминание об этом путешествии оставалось таким же ярким, как и в те далекие времена, когда она имела обыкновение просыпаться от собственного крика, потому что ей снилось, будто она летит в пропасть, прямо в кипящие воды реки, протекавшей по дну, что тащила ее за собой, ударяя об острые камни, разрывавшие ее тело на тысячу кусков.

Очень часто, уже за полдень, появлялись ливневые облака прямо в голубом небе, когда многочисленные, безобидные с виду облачка вдруг начинали притягиваться друг к другу, словно магниты из ваты, поменявшие свои полюса, чтобы сформировать огромную, угрожающего вида, черную тучу, которую порывы ураганного ветра несли у самой поверхности, и откуда с яростью низвергались тонны воды, столько воды, что менее чем за полчаса поверхность плоскогорья превращалась в трясину, а потом облако, словно по волшебству, исчезало, уступая место неистовому солнцу, под чьими лучами окружающие вершины исчезали в облаке от испарений, настолько густое, что видимость сокращалась до сотни метров.

Ручьи разливались, маленькие озерца выходили из берегов, и если так случалось, что ливень заставлял путешественников, когда они либо поднимались по склону, либо спускались по одной из тропинок, вьющихся по краю пропасти, то они должны были как можно быстрее найти камень, за который можно ухватиться, потому что через верхний край склона вниз низвергались тонны воды, способные утащить любого из них с собой в пропасть, а сама тропинка становилась такой скользкой, словно конькобежная дорожка.

Сеньорита Маргарет закрывала глаза и все еще видела мысленно, как ухватившись за такой вот камень, наблюдала за грязью, что надвигалась на нее, подобно холодному потоку лавы, медленно сползавшему по склону вулкана, а в ушах ее все еще звучали полные ужаса крики мула, который, будучи не в состоянии зацепиться за что-либо, неумолимо соскальзывал по узкой тропе метров сто, чтобы потом сорваться в пустоту и лететь вниз, лягая ногами воздух, словно бросал обвинение небесам за то, что не снабдили его ни руками, ни лапами, с помощью которых можно было бы ухватиться за жизнь.

И вот теперь, сидя на носу лодки и крепко держа винтовку, сеньорита Маргарет не могла не задаться вопросом, а что будет, когда вместо опытных проводников, сопровождавших их в тот раз, прекрасно знавших те места, по которым они проходили, теперь поведет она, не отличающаяся ни силой, ни выносливостью, и кому придется сделать все возможное, чтобы эти несчастные существа не упали в пропасть.

– Да поможет нам Господь! – прошептала она, и обернулась взглянуть на бледные лица тех, кто, как ей показалось, возложил все свои надежды на нее одну, и осознала размеры ответственности, что взяла на себя, и заметила, как задрожали руки, державшие приклад ружья.

Правильно ли она поступила, уведя детей из долины, направившись с ними в адское путешествие, где их ожидали бесчисленные опасности, а может, было бы лучше оставить их в деревне, чтобы выживали там, пусть и в качестве рабов?

И знала она, что вопрос этот будет преследовать ее до конца дней, но и знала также, что жребий уже был брошен, и единственно, что ей оставалось – это найти тот путь, который приведет их к морю.

А эта река та самая дорога или нет?

С наступлением ночи лес вокруг становился все гуще и гуще, и наступил такой момент, когда поляны, покрытые высокой травой, и раскидистые акации исчезли по левому берегу, а высоченные деревья со стволами, поросшие мхом, росли все ближе и ближе друг к другу, и мох уже свисал с их ветвей, подобно длинному покрывалу, что придавало всему лесу сказочный вид, так что звук весел, поднимавшихся над водой, звучал словно выстрел посреди ночи.

То был, безо всяких сомнений, мир растений и только растений; мир, сделанный из воды, толстого слоя упавшей и подгнившей листвы и древесины, размягченной от царящей здесь на протяжении веков сырости.

Пугливая Надим Мансур застонала.

И этот ее глухой, еле сдерживаемый стон, едва слышимый, продемонстрировал с необыкновенной ясностью, и даже сильнее, чем безутешные рыдания, насколько страх пред лесными привидениями и великанами овладел теми несчастными существами.

– Все поем! – приказала она голосом сухим и властным.

И они запели.

И пели с таким задором, как никогда раньше, с какой-то яростью в голосе, пели, чтобы отпугнуть страх; песня, которая поддерживает надежду жить, и необходимость уйти как можно дальше от тех, кто способен отрубить голову детям трех лет отроду, и огромное желание найти во что бы то ни стало такое место, где они смогли бы ощутить себя защищенными.

Пели те немногие песни, какие знали: детские песни, совсем не подходящие и звучащие абсурдно в этом месте, но то были песни, что напоминали им о счастливых временах, когда все их заботы ограничивались тем, чтобы они прилежно пели во дворе школы, с нетерпением ожидая окончания уроков, после чего можно было бежать купаться на реку.

Неужели это была та самая река?

Сидя на корме второй лодки, и очень осторожно подгребая большим веслом, Бруно Гресси делал все возможное, чтобы длинная пирога держалась середины потока, и не сводил глаз с густого леса, под сенью которого оба берега тонули во мраке, и спрашивал себя в действительности это та же река, которую они вместе с Менелик Калем раз тысячу обследовали, но только вверх по течению, и еще силился понять, как так получилось, что все та же природа, когда-то казавшаяся ему прекрасной и мирной, теперь же с каждым новым шагом становилась все враждебней и страшнее.

Сестра его, Карла, чьи светлые волосы, густые, словно грива, время от времени касались его коленей, вздрагивала каждый раз, как какой-нибудь сук, покрытый тем мхом, похожим на саван, нависал над самой водой и угрожающе тянулся к ней, и он вспоминал, как темными ночами, испугавшись порыва ветра или воя шакала вдалеке, она пробиралась к нему в кровать и пряталась у него под одеяло от страха, и Бруно осознал, какой ужас испытывала она теперь, и скольких сил стоило ей не начать кричать, зовя свою мать.

Он погладил ее волосы, она обернулась и с благодарностью посмотрела на него.

В некоторой степени Бруно Гресси ощущал себя более отцом по отношению к своей младшей сестре, чем братом, поскольку хоть и был он еще мальчишкой, но за то время, пока настоящий отец семейства проводил на кофейных плантациях, валяясь в каком-нибудь сарае мертвецки пьяный, приходилось брать на себя не простую роль главы семейства.

Мать его, сколько он помнил, была женщиной потерянной и не имела ни сил, ни возможности повлиять на чрезмерную склонность своего мужа к алкоголю, а когда старый, разваливающийся деревянный дом, служивший им жильем, в очередной раз готов был рухнуть на их головы, основным ее аргументом в споре с мужем были только дети.

По жизни она всегда демонстрировала, что лучше разбирается в делах плотницких, чем в любовных, и лучше клала кирпичи, чем готовила, а потому Бруно часто вспоминал с каким удивлением глядел на свою мать его брат Марио, когда в канун какого-то Рождества Паола Грисси решила скинуть свой старый рабочий комбинезон и блеснуть первый раз за много лет белой блузкой и плисовой юбкой.

– Черт побери! – восхищенно воскликнул мальчишка. – Ты похожа на сеньориту Маргарет.

– Но сеньорита Маргарет старше меня лет на пятнадцать, – последовал горький ответ. – Наверное, будет лучше, если я опять надену комбинезон.

Такой всегда помнил Бруно свою мать: состарившаяся раньше срока, с мозолистыми руками и душой, уставшая жить, вечно чем-то недовольная, без интереса смотрящая на все, хоть и не жила вовсе.

Он взглянул на Марио, тот дремал, опустив голову на кромку борта лодки, и осознал что, как и Карла, тот переложил на него ответственность за спасение их жизней, быть может все потому же, что в глубине души оба они всегда больше надеялись на Бруно, чем на собственного отца.

Темнело.

В стремительно наступавших эфиопских сумерках сгущавшиеся тени решительно вытесняли свет и без оглядки занимали его место, а потому пришлось срочно найти поляну среди деревьев, где можно было бы разбить нечто, отдаленно напоминающее лагерь.

Валявшиеся вокруг сучья и ветви, все были мокрыми, а сил расколоть какой-нибудь ствол, чтобы добраться до сердцевины, которая хорошо бы горела, не осталось, и пришлось сжечь одно из сидений из лодки, а вокруг огня, для просушки, разложили зеленые ветви.

Спустя некоторое время они уже трещали в огне, распространяя вокруг густой и едкий дым, от которого разбирал кашель, но для сгрудившихся вокруг детей любой дым был предпочтительней сгустившимся сумеркам в глубине того дьявольского леса.

Сеньорита Маргарет распределила дежурство в соответствии с возрастом: Ахим Биклия дежурил первым, Бруно Грисси вторым, а Менелик Калев выпала очередь дежурить в самое сложное и опасное время, ближе к рассвету, в час, когда хищные звери джунглей имеют привычку выходить на охоту.

Подоили коз, сеньорита Абиба замочила просо, и приготовила несколько мисок каши, после чего не пришлось долго ждать, когда самые маленькие почти что рухнули на землю от накопившейся за день усталости и заснули – пусть хоть на несколько часов в своих снах вернуться к ощущению покоя и надежности домашних очагов, чтобы проснувшись очутиться в этой реальности, которая хуже самого страшного кошмара.

Где-то вдалеке послышался рычание леопарда.

А может быть, это и не был леопард, а всего лишь старый самец павиан, которого изгнали из какой-нибудь семьи, что во множестве спускались в долины в сезон дождей в горах, но несчастным женщинам и трясущимся от страха детям это показалось таким ужасным рычанием, которого они никогда не слышали в своей жизни, а Ахим Биклия, кто на тот момент держал в руках старое ружье, готов уже был нажать на курок.

А потом все стихло, погрузилось в тишину, потому что даже малыши старались плакать молча.

К середине следующего утра течение в реке начало ускоряться, а берега сближаться.

Вместо гигантского вереска и можжевельника по обоим берегам поднялись темные скалы угрожающего вида, а когда одна такая скала возникла посередине реки, а вокруг нее закрутились опасные водовороты, сеньорита Маргарет поняла, что нужно быть предельно осторожным, поскольку некоторые из малышей не умели хорошо плавать.

– Отец рассказывал мне, что ниже по течению есть большой водопад, – заметил Ахим Биклия. – Возможно мы уже близко.

– А что там дальше?

– Не знаю. Про это никогда не рассказывал.

Час спустя течение реки настолько возросло, что стало практически невозможно управлять лодками, и когда, наконец, перед ними возникла линия горизонта, за которой река исчезала, как по волшебству, до них долетел приглушенный шум воды, падающей с большой высоты.

Направили лодки к ближайшему берегу, Менелик Калев и Бруно Гресси пошли на разведку, а все остальные ожидали их.

Добраться до водопада было делом несложным, но вот стоя на самом краю вертикального обрыва, они с удивлением увидели как огромные массы воды беспрепятственно низвергались вниз на глубину почти в сто метров, чтобы затем продолжить свой путь по равнине, покрытой кустарником, и что простиралась насколько глаз хватало.

И то, на самом деле, была лишь одна из многих ступеней, которыми величественное эфиопское нагорье спускалось к западу, но по сравнению со скалистыми уступами высокогорных регионов, впечатляющих своей природной мощью, со склонами, словно обрезанными ножом и что остались у них за спиной, могло лишь замедлить их продвижение вперед, и очевидно было, что в том отдаленном и негостеприимном уголке, вдалеке от любых мест, заселенных человеком, никто не побеспокоился проложить тропинку в обход пропасти.

– И что же будем делать теперь? – поинтересовался Менелик Калев.

– Вернемся, – последовал сухой и безнадежный ответ от его друга.

– Вернемся куда? – чуть не взвизгнул Менелик. – Я даже не представляю, чтобы грести вверх по реке, а потом сидеть и ждать пока мне горло перережут. – Он решительно закачал головой и, показывая вниз, закончил. – Я лучше полезу в пропасть, вон туда.

– Но тут же нет дороги, – обратил его внимание веснушчатый. – Может, видишь что-то, что нам не видно?

– Дорог не бывает, пока их не откроют, – последовал уверенный ответ. – Пошли, поищем.

И они искали в течение двух часов, а когда, наконец, вернулись, упали на землю без сил и разочарованные.

– Существует только отдаленная возможность спуститься туда – это по веревкам, – сказал Менелик. – Весьма опасное занятие, конечно, но другого способа нет, – и он внимательно посмотрел на сеньориту Маргарет, уверенный в том, что только она может и должна принять решение, и добавил самым пессимистичным тоном:

– Либо так, либо возвращаться.

– Как бы это не было опасно, но придется попробовать, – последовал ответ. – А что там, дальше?

– Опять река, – добавил от себя Бруно Гресси. – Но также ясно, что мы не сможем спустить пироги.

– Построим плоты.

– Из чего? Внизу не видно ничего, кроме травы и кустов.

Сеньорита Маргарет какое-то время размышляла, а все собравшиеся наблюдали за ней молча, и наконец, показав на три длинные, крепко сделанные и тяжелые лодки, сказала:

– Используем дерево этих пирог. Отпустим их, чтобы они упали, а то, что от них останется, используем для изготовления плота.

– Если мы их скинем, то когда доберемся до низу, течение уже унесет их, – логично предположил Менелик Калев.

– Я могу остаться, – предложил Ахим Биклия. – Подожду, пока вы спуститесь, и отпущу пироги, чтобы вы смогли забрать, что останется от них, до того, как течение унесет, а потом и сам спущусь.

Сеньорита Маргарет, чей авторитет оставался неоспоримым, подняла руку, чтобы привлечь внимание, и устало встала на ноги.

– Вначале посмотрим где можно спуститься, – сказала она. – А потом уже решим.

Учителя, дети и козы прошли до водопада, свесились над пропастью, и у толстушки Зеуди закружилась голова, и она чуть было не сорвалась вниз.

– Даже если я спячу, то спускаться туда не буду! – воскликнула она, отшатнувшись назад. – Я не птица.

– А другого выхода нет, – заметил Бруно Грисси.

– Но где? – захныкала несчастная девочка. – Не видно ни намека на тропу.

Да, тропы не было в самом деле, и в соответствии с тем рискованным планом, предложенным Бруно и Менеликом, нужно было вначале спуститься на выступ, а уже оттуда спускаться на веревках, преодолев метров семьдесят пустого пространства.

– Но у нас нет веревок! – обратила его внимание растерянная учительница.

– Для этого используем «водные лианы», – сказал Бруно. – Хорошенько переплетем их, чтобы они достали до самого дна.

– Никогда еще не сплетали «водные лианы» такой длины, – уверенно заявил Ахим Биклия. – Сомневаюсь, что выдержат.

– Должны выдержать... – резюмировал Менелик Калев. – Будем плести столько времени, сколько нужно, но мы это сделаем.

«Водные лианы», которые по счастью росли в изобилии в близлежащих лесах на склонах гор, отличались от остальных из своего семейства тем, что когда на них делали два надреза: один повыше, другой пониже, то из нижнего разреза струей выливалась накопившаяся в растении вода, чистая, свежая и с пузырьками воздуха, словно газированная, а потому дети имели обыкновение разыскивать их в лесной чаще.

Когда же вся вода вытекала из лианы, она превращалась в нечто, похожее на шланг, гибкий и влажный, толщиной с палец или чуть больше, и из них, из этих шлангов, уже можно было сплести веревки, но имелось одно весьма заметное неудобство: когда кора начинала высыхать, то очень легко трескалась и, в конце концов, рассыпалась и превращалась в пыль.

Как благоразумный Ахим и указал, никто еще не пытался сплести канат из «водных лиан» достаточно толстый и такой длины, но точно также, а это ответил ему Бруно Грисси, и тоже небезосновательно, возможно никто этого и не делал по одной простой причине – не было необходимости тратить столько сил на то, что потом просуществует лишь короткое время.

– Нужно будет нарезать лиан, вылить из них воду, сплести и спуститься по ним один за другим за двадцать четыре часа и не дольше, – указал веснушчатый. – Это будет непросто сделать, но если работать упорно, мы это сделаем.

Взвесив все за и против, сеньорита Маргарет окинула взглядом встревоженные и в некоторой степени напуганные лица тех, кому несчетное количество раз утирала сопли, а иногда так случалось, что и попу, и, в конце концов, придав лицу суровое выражение, кивнула утвердительно:

– Все за работу! – приказала она. – И да поможет нам Господь!..

Остаток дня провели, разыскивая лианы, срезали их с верхушек деревьев, выливали из них воду, и, после того как их опорожняли, передавали самым маленьким, а те выдавливали из растений оставшуюся губчатую сердцевину, затем клали их на дно большой лужи, чтобы лианы сохранили в себе необходимую влажность до момента, когда их начнут связывать и переплетать.

После ужина, для которого пришлось пожертвовать еще одним козленком, поскольку насытиться молоком и просяной кашей не получалось, развели большой костер, и при его свете начали сплетать лианы, накладывая их одну на другую и связывая между собой теми немногими обрывками веревки, что нашли в пирогах.

То была ночь длинная и утомительная, многие из самых маленьких не выдержали и заснули глубоким сном, но между оставшихся двух женщин и шести или семи старших ребятшек все-таки получилось смастерить тяжелый и толстый канат длиной около восьмидесяти метров, что хоть и не вызывал доверия, если глядеть на него со стороны, но, тем не менее, был в состоянии выдержать вес любого из присутствующих.

С рассветом приступили к спуску.

Менелик Калев, кому принадлежала идея, настоял, чтобы именно он первым рискнул и спустился, для чего тонкий конец обвязал вокруг себя, повернулся спиной к пропасти и, сверкнув испуганной, но вместе с тем и обнадеживающей улыбкой, обратился к своим товарищам хриплым голосом:

– Увидимся там, внизу!

Сантиметр за сантиметром опускали его, а те, кто не держал канат, могли наблюдать сверху, как он балансировал в пустоте, как ветер играл им, словно перышком, и как капли воды, что ветер нес от водопада, намочили его всего.

То были долгие и напряженные минуты, которые никто из присутствующих не забудет до самой смерти, потому что от этой хрупкой веревки зависела жизнь не только их друга, но и возможно жизнь каждого из них, поскольку в том в случае, если попытка не удастся, им всем придется вернуться в деревню.

Когда же жизнерадостный мальчишка встал обеими ногами на землю, то весело замахал руками и поднял два пальца, показав знак виктории.

Следующим был Марио Грисси, затем сеньорита Абиба, и так они, один за другим, висели над пропастью, хотя в какой-то из моментов Ахим вынужден был прибегнуть к одной болезненной процедуре: ударил нервную Надим Мансур так, что та потеряла сознание, поскольку по-другому спустить ее не получалось – в припадке истерики она визжала и отчаянно брыкалась.

Когда больше половины детей и все козы оказались внизу, Бруно Грисси и сам Ахим оттолкнули от берега одну за другой пироги и убедились, что течение понесло их к водопаду, и то было красивое зрелище – наблюдать как лодки, словно копыя, летели вниз и вонзались в воду озера у подножия водопада, но спустя несколько минут снова появились, а Менелик и остальные ребята успели поймать их.

Рассмешила всех толстуха Зеуди, когда ее спускали, она описалась.

Предпоследним спускался Бруно Грисси, а Ахиму Биклия, кто безо всяких сомнений был самым сильным, стоило больших усилий удержать его, поскольку наверху кроме него никого не осталось.

Было бы правильно дать ему передохнуть немного, так как он помогал всем остальным спускаться, но по прошествии нескольких часов и под обжигающими лучами неистового солнца лианы начали высыхать и трескаться, и возникла опасность, что в любой момент примитивная веревка рассыплется.

И наконец, зрелищно, с видом воздушного акробата, готовящегося осуществить рискованный трюк, который потребует всех его сил и сосредоточенности, мальчишка потянулся, разминая мышцы, вытер насухо ладони, лег на живот на гладкий камень, свесил ноги в пустоту и начал спускаться.

Слышен был лишь шум падающей воды.

Время от времени Ахим обвивал канатом ногу и останавливался, чтобы перевести дыхание, вытереть вспотевшие ладони, и хоть каждому, кто поучаствовал в этой аванюре, его спуск показался бесконечно долгим и невероятно опасным, но это казалось еще более медленным

и еще более опасным, потому что все понимали: труд всей ночи может рассыпаться в любой момент.

– Идем, идем! – бормотал Ахим, находясь уже на высоте метров в тридцать, когда почувствовал, как что-то рассыпалось у него в руках, а потому решил соскользнуть вниз как можно быстрее и как результат: у него на груди и на ногах появились длинные следы от ожога, но до земли он добрался без проблем.

Все следующее утро посвятили строительству грубого плота из того дерева, что осталось от пирога, и после легкого завтрака продолжили свой путь вниз по реке, чувствовали себя более расслаблено, поскольку окружающий пейзаж, открывавшийся по обе стороны, уже не был сельвой угрожающего вида с деревьями, напоминавшими призраков, а широкая саванна с редкой травой и большими каменными плитами, среди которых местами торчали чахлый кустики, не способные дать сколько-нибудь значимой тени, где мог бы укрыться даже кролик.

Прошло немного времени и река потекла через нагромождения базальтовых камней. Казалось, словно древние вулканы развлекались в этих местах несколько странным образом, заполнив этот уголок восьмиугольными темными колоннами, у которых каждая сторона была не шире одного метра, а между ними оставили узкие провалы, длиной в руку, через которые сочилась желтая вода так спокойно, что пришлось взять шесты, чтобы продолжить движение вниз по течению.

Любопытно, но по мере того, как приближался вечер, жара усиливалась.

Солнце медленно поползло к горизонту, но жар, исходящий от камней, становился все более плотным, все более насыщенным, словно черные каменные колонны возвращали в тысячу раз больше энергии, чем та, что была передана им солнцем начиная с самых ранних, утренних часов.

Вода также была теплая и какая-то вязкая, а вокруг, на сколько хватало глаз, не видно ни малейшего признака жизни, и такая висела над этим местом тишина, что ушам было больно – пожалуй, единственная хозяйка с самых древних времен этой безжизненной равнины без границ.

И только ближе к ночи многочисленные семейства павианов, от десяти до пятнадцати членов в каждой группе, начали вылезать из своих тайных подземных пещер, чтобы подойти к берегу, и большие самцы с длинной красноватой гривой рычали с угрожающим видом на плывущих на плоту и демонстрировали клыки, и строили всякие рожи, с очевидным намерением заставить их убраться прочь от того, что сами считали своими владениями.

– Их, вообще, едят? – поинтересовалась всегда голодная Зеуди, для кого все, что шевелилось в этом мире, было изначально главным кандидатом в кастрюлю.

– Суллем их ел, – заметил Ахим, кого всегда особенно привлекали страстные рассказы и походы отважного охотника. – По крайней мере, он так говорил.

– Может, подстрелим парочку.

– У нас мало патронов.

– Лучше пожертвовать одним патроном, чем козой, – сказал Менелик Калеп, и, решительно взяв ружье из рук сеньориты Маргарет, дождался пока несколько павианов не сгрудятся в одну кучу и выстрелил в них почти в упор, убив сразу трех и серьезно ранив еще двоих.

Мясо нервных и дурно пахнущих обезьян оказалось на редкость жестким и не очень аппетитным, а трое ребятишек так и вовсе отказались есть его, и не из-за вкуса, а потому что наблюдали, как их жарили на медленном огне, насаженными на деревянные колья, и у них возникла ассоциация, что это не обезьяны, а новорожденные, кого они поедают во время некой ужасной церемонии среди каннибалов.

А потом было несколько дней медленного и спокойного плавания, проходившего по местам, к которым, можно сказать, человек не проявлял ни малейшего интереса, без сомнения

по причине, что пустынная и каменистая земля не могла одарить его хоть чем-нибудь, и добыть здесь тоже было нечего.

Однако за эти дни внутри группы, что представляла собой странное и одновременно компактное кочующее сообщество, движущееся по медлительной реке в поисках чего и само не знало, и уж тем более не знало где это искать, сложились определенные отношения, и еще все определились с обязанностями каждого по отношению к другим.

Однажды утром они увидели вдалеке фигуру человека, стоял он на одной ноге и опирался на древко длинного копья, он наблюдал за ними, подняв одну ногу, словно это был большой журавль, смотрел на пришельцев без чрезмерного любопытства.

Был он очень высокого роста, а кожа у него была несравненно более черная, чем у любого эфиопа, живущего в горах, но стоило им сделать незначительную попытку приблизить плот к берегу, как тот внезапно исчез, словно бы превратился в один из миллиона черных камней, разбросанных по равнине.

– Похож на суданца... – предположила сеньорита Маргарет этой ночью за ужином, когда начали обсуждать как он исчез таинственным образом.

– Но Судан отсюда очень далеко, – заметила сеньорита Абиба, кто по логике должна была знать географию лучше любого из группы.

– Это я знаю, – согласилась ее бывшая учительница, а сейчас ближайшая подруга. – Но уже пару дней, как река отклонилась на запад. А на западе у нас располагается Судан.

Но какой там Судан! – воскликнула сеньорита Маргарет. – Мы даже не представляем сколько километров прошли.

– И где же тогда море?.. – поинтересовалась «Царица Билкис», кто до этого момента даже рта не открывала.

Сеньорита Маргарет не чувствовала в себе сил сказать, что по ее расчетам море должно располагаться в противоположной стороне, а сейчас они уходили от него все дальше и дальше, поскольку не теряла надежды, что река, все-таки, повернет на юго-восток и направится прямо к Индийскому океану.

И, судя по всему, лишь Менелик Калей представлял ясно, что идут они неправильным курсом, и, как только представилась возможность, вместе со своим неразлучным другом Бруно Гриси отправились поискать какую-нибудь дичь, и, усевшись под колючим кустом, сказал, без какого-то предисловия:

– Мы заблудились.

Другой же возразил ему решительно:

– Заблудиться мы могли бы, если ошиблись дорогой, – уточнил он. – Но поскольку с самого начала никакой дороги не было, то мы просто бродим.

– Как бы там ни было, мы искали море и я опасуюсь, что здесь нет никакого моря. Что делать-то будем теперь?

– Что скажет сеньорита.

– А если она ошиблась? – задал вопрос другой.

– Если ошиблась, то поправится, потому что она всегда знает, что делает, – заявил Бруно Гриси. – Она столько училась.

– Действительно, училась она много, – согласился его высокий и по-юношески нескладный друг, кто казалось, повзрослел за эти дни на несколько лет. – Но про то, что произошло, нет ни в одной книге, – он обвел рукой пустынную равнину. – У нее даже нет ни малейшего представления где мы находимся.

– Откуда ты знаешь?

– Я заметил это в ее взгляде, – последовал ответ. – Я знаю ее, и помню, что когда задавал компрометирующий вопрос, она начинала почесывать брови, – грустная улыбка скользнула по его лицу. – А сейчас она чешет их все время.

– Я это тоже заметил, – сознался веснушчатый. – Но может, случайно, у тебя имеется идея получше?

– Получше чем что? – спросил Менелик Калерб. – До сегодняшнего дня мы ограничивались лишь тем, что следовали по реке, но вместо того, чтобы, как я предполагал, становится все более полноводной и широкой, с каждым днем делается все уже и уже, и грязней, – он передернул плечами. – Откровенно сказать, никакая идея получше мне и в голову не приходит. И куда мы забредем, если пойдем по этим камням?

И то, в самом деле, была дорога в одну лишь сторону; казалось, что ручей с желтой водой словно бы истекает кровью, а бесплодная земля вокруг высасывает из него эту кровь капля за каплей, растрачивая впустую тот бесценный дар, поскольку на простиравшихся вокруг каменистых почвах не росла никакая трава, ничего, чтобы дать пропитание хотя бы самой жалкой из коз.

Вода просачивалась между темных каменных плит или базальтовых колонн, и тот яростный поток, что низвергался с грохотом на неприступном водопаде, превратился в исчезающий ручеек с дурно пахнущей жидкостью, более напоминавшей ослиную мочу, и очень скоро плот начал скрести по каменистому дну.

А потом, одним печальным утром, они пришли к выводу, что та прекрасная река из их далекого детства, к которой все были так привязаны, место их игр, и рядом с которой прошли самые счастливые годы, теперь умерла и была похоронена там, под их же ногами, которые теперь месили грязь на бескрайней равнине, и, пока шли на запад, грязь засыхала и превращалась в корку.

А от тех гор, что они оставили позади и справа, не видно было уже и тени, зной же все усиливался и становился все суше и суше, хотя именно благодаря этой сухости оказался более переносимым, без тягостного чувства из-за избытка влаги в воздухе, как это случилось на высокогорье.

Ветер налетал порывами, подобно огненному дуновению, словно где-то открывалась печь или как прерывистое дыхание некоего гиганта, но был очень неприятный, потому что нес с собой песок и землю, и приходилось щурить глаза, а нос забивался пылью, так что дышать становилось трудно.

Все вокруг было ново.

Пуповина, соединявшая их с прошлым – река предков – была перерезана, можно было бы сказать, что они только что родились в этом враждебном мире и на который взирали теперь с таким же удивлением, с каким смотрели бы на лунные кратеры.

Шли, увязая в густом иле, хватавшем их за ноги с глухим упорством, как мед затягивает мух, пробирались на юго-восток в поисках твердой земли, где каждый шаг не требовал подобных усилий и не соблазнял бы тем, что стоит лишь упасть и все будет кончено, и они останутся там навсегда.

Самые маленькие не выдерживали и валялись с ног.

Бруно Гресси посадил измотанную Карлу себе на плечи, и каждый из старших мальчиков, а также учителя, последовали его примеру и взяли самых ослабевших, после чего вес каждого из них увеличился и в той же пропорции возросли усилия, с которыми они вытаскивали ноги из грязи, и в течение более чем четырех часов сеньорита Маргарет была уверена, что завела детей в самую ужасную из ловушек.

Скелет антилопы с побелевшими на солнце костями служил тому явным предупреждением, что смерть подстерегала в грязи, и каждый раз, как у кого-нибудь из детей подкашивались ноги, и он падал, требовались усилия трех других, чтобы поднять его и помочь идти дальше.

Вскоре все они были покрыты грязью с головы до ног.

Издали походили на армию статуй, которых некий своенравный властелин взял и оживил; существа, что под коркой грязи, отвердевавшей все сильнее и сильнее, не имели почти ничего или совсем ничего общего с людьми, и когда измотанный Бруно Гресси наконец-то почувствовал под ногами твердую землю и обернулся, то застонал от того, что увидел – большинство из его товарищей разбрелись по этому грязному болоту, шли вперед, словно одурманенные под лучами безжалостного солнца, которое, казалось, намеревалось испепелить их.

Он попробовал привлечь их внимание, но горло его так пересохло, что с великим трудом издал лишь хрип, и шепотом умолял свою сестренку Карлу:

– Кричи! Кричи, пожалуйста!

Малышке потребовалось время, чтобы понять, что от нее хотят, но когда почувствовала, как брат ее падает на землю, подобно сломанной кукле, вскочила на ноги и завопила что есть сил, и замахала руками.

– Сюда, сюда! – кричала она, как одержимая. – Все идите сюда!

Один за другим подходила печальная процессия, один за другим падали они рядом с Бруно Гресси, и лежали в изнеможении, и напоминало это старое кладбище, где сильный ветер повалил все статуи.

До утра следующего дня никто даже не пошевелился.

По счастью, налетевший короткий, но сильный тропический ливень, вернул их к жизни, и одновременно вернул им более или менее человеческий облик, размочив грязную корку, и когда, чуть позже, начали они подниматься и оглянулись по сторонам, то каждый из них испытал жалость к другим и к себе самому, поскольку стоило большого труда узнать в тех странных существах своих друзей.

– Никогда не представлял, что так умирают реки, – пробормотала Надим Мансур. – И где же море?

Никто ничего не ответил, а сеньорита Маргарет отошла и села на небольшой камень, обхватила голову руками и молча плакала, стараясь заглушить подступившее к горлу чувство вины, потому что именно она должна была ответить на этот вопрос, хотя и не имела ни малейшего представления как это сделать.

Где было море, и что общего между этой равниной, покрытой грязью, переходящей в каменистую пустыню угрожающего вида, что терялась вдаль, и прекрасным голубым и прозрачным океаном, через который она совершила незабываемое путешествие вместе со своим отцом?

Она зажмурилась от стыда за свое высокомерное решение отправиться в то абсурдное путешествие неизвестно куда и постаралась определить какое наказание для себя заслуживает тот, кто по причине излишнего самомнения бросается в пропасть, да еще и тащит с собой столько невинных душ.

В течение нескольких минут она даже завидовала тем, кто погиб от нездоровой ярости солдат, спрашивая себя – а не лучше бы было покончить со всем сразу, чем терпеть долгую агонию, не ведущую – как и та река – никуда, кроме как к мучительному концу и точно также неизбежному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.